

УДК 101.1:316.46

Иванкина Любовь Ивановна

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Национального исследовательского Томского политехнического университета тел.: (903) 953-71-82

Ivankina Lyubov Ivanovna

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Management of National Research Tomsk Polytechnic University tel.: (903) 953-71-82

ДЕФИНИЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Проведен анализ особенностей социального управления в условиях современного общества. Обосновано, что управление путем введения причинно-следственных связей онтологически связывает различные реальности и призвано разрешать онтологическое противоречие, состоящее в том, что, с одной стороны, человек предназначен к деятельности, изменению в ее процессе мира, а с другой – само бытие ограничивает процесс изменений определенными рамками.

Ключевые слова: управление, социальное управление, социальность, социальная реальность, онтологическая коммуникативность.

DEFINITION OF PRACTICE AND THEORY OF SOCIAL MANAGEMENT IN THE POST-NON CLASSICAL PARADIGM

The peculiar features of social management under modern society conditions have been analysed. It has been proved that management through the introduction of causes and effects connects ontologically different realities and is destined to settle the argument which means, on the one hand, that a man is intended to activity, changing it in the world process, and on the other hand, the event itself limits the process of change by the definite frames.

Key words: management, social management, sociality, social reality, ontological communicativeness.

С конца XX в. наглядно проявила себя новая тенденция в развитии практики управления: возрастание потребности в философском осмыслении процессов взаимодействия человека и общества. Данная потребность обусловлена трансформациями, произошедшими и постоянно происходящими в последнее время в социальной реальности, актуализировавшими вопрос об адекватности методологии социального управления практике его реализации. И хотя каждая эпоха изменяла субъекты и объекты управления, методы и масштабы организации самого процесса, средства контроля и регулирования, только XX в. характеризуется качественно иным характером таких изменений.

Следствием нового социального и культурного состояния стали нестабильность и постоянное движение, когда прочная основа и устойчивый фундамент, на которых базировалась социальность, утратили свое значение, поскольку социальное развитие стало определяться не столько предметно-материальным, сколько виртуально-знаковым фактором, не фиксирующимся на единстве социальности, на ее однозначности и однолинейности. Утрачивая базовость субстанционального основания, общество, не подчиняясь строгой логической выверенности, нуждается в новой форме организации и управления.

Современный мир, характеризующийся в категориях «плюрализм», «гетерогенность», «поликультурность», «мультипликация», «сингулярность», «неустойчивость», «мерцание», «маргинальность» и других подобных им, обозначил проблему управляемости: возможно ли социальное управление в распадае социальности («конец социального»), и на основе чего это может быть осуществлено? Что и в каком направлении меняется в социальном управлении? Как происходящие коммуникативные изменения в социальной реальности влияют на онтологию управления? Для ответа на данные вопросы необходимо определить философские основания и выявить особенности теории и практики социального управления в новых условиях.

Проявления общественной жизни, в том числе и природных процессов, вовлеченных в сферу социума, включено в сферу управления, поэтому соотношение стихийного и сознательного управления необходимо исследовать как с позиции возрастания сознательного управления, так и с позиции, учитывающей эволюцию объекта управления, вовлечение в сферу сознательного управления все новых уровней общественного развития. И одним из ключевых изменений является то, что «люди более не желают быть придатком механизма, будь он управленческим или производственным» [1, с. 78].

Современная концептуализация общества исходит из необходимости отражения основных тенденций, обнаруживших себя в развитии социальности в новом столетии. Возникают закономерные вопросы: как соотносятся между собой традиционная и инновационная парадигмы социального управления, как формируется контекст современной онтологии социальности, в том числе социального управления, способной «схватывать» происходящие перемены и формировать адекватную концептуализацию общественного развития?

В процессе эволюционирования социальных систем эволюционировали и системы управления – механизмы, дающие возможность принимать скоординированные и эффективные решения.

По мере возникновения каждая новая система объявлялась разрешением проблем, лучшим, чем предыдущие, с точки зрения трех характеристик: степени привычности, темпа изменений и предсказуемости будущего. На предыдущих этапах развития не было острой потребности в предвидении нового, чтобы подготовить продуманные решения, так как перемены проходили медленно. Но с развитием современной научно-технической революции и глобализацией социальных процессов становится сложно связывать перемены с прежними тенденциями, поскольку они случаются быстрее и являются менее предсказуемыми. С конца XX в. многие тенденции, оставаясь скрытыми от наблюдателя, обнаруживают себя внезапным проявлением как стратегическая неожиданность. Это означает, что проблемы возникают внезапно и вопреки ожиданиям, ставят новые задачи, не соответствующие прошлому опыту субъекта управления.

Сегодня на смену концептуализации общества, базировавшейся на идее доминантной роли материального производства, характеристиках способа его развития как единства производительных сил и производственных отношений, приходят коммуникативная и информационная концептуализации общества. Онтология социальности, не оставляющая места некой предметности и материальности, результативности, не связанная с вещественностью, но фиксирующая следы и знаки движения и развития, исследуется такими философами, как Ж. Деррида, П. Бурдье, Ж. Бодрийяр, которые определяют социальность как знаковую, симулятивную реальность следа.

Поскольку социальное управление происходит в определенных историко-культурных условиях, оно имеет выраженный контекстный характер. Контекст современности образован большим числом переменных, влияющих на особенности социального управления, среди которых децентрация коммуникационных связей, социальной структуры, экономики, образования и других социальных сфер жизни современного человека.

В исследовании общества в постнеклассической парадигме преодолевается разрыв объекта и субъекта, как и противопоставление базиса и надстройки. И. Пригожиным было обосновано, что изучение общества как сложной системы допускает применение синергетической метафоры. Два важнейших измерения действительности – бытие и становление – рассматриваются как два взаимосвязанных аспекта реальности при решающей роли времени (становления). Социально-историческое событие имеет микроструктуру, где и происходят флуктуации, вызванные индивидуальными действиями людей. Поэтому, как справедливо констатировал И. Пригожин, мир является конструкцией, в построении которой мы все можем принимать участие.

В данных условиях социальное управление имеет дело с постоянно движущейся социальностью, содержащей в себе внутренние силы самоорганизации – производительную силу коммуникаций. Управление в этой социальности в качестве собственного объекта имеет процесс развития, где наличествует область способов, норм, образцов деятельности. В этом смысле, управление оказывается без предметной основы, предметность управляющего действия исчезает. Оно направляется в безосновность отношений, мгновений, то есть в безосновность самой процессуальности, в пространство коммуникаций, их непрекращающегося возникновения и исчезновения.

Если в прошлом социальное управление было направлено на то, чтобы поддерживать и воспроизводить те состояния общества, которые уже сложились и существовали, то в современном управлении новизна состоит в том, что поворот в управленческой деятельности меняет ее характер в сторону отказа от жестко заданной цели, признания возможности ее корректировки, как и корректировки управленческих концепций, задач, стратегий, приобретения ею черт гибкости, ситуативности, контекстуальности. Последствия нелинейной социокультурной динамики обретают характер ризомы (от понятия «скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, «некорневую» конструкцию), проявляющейся во внеструктурном и нелинейном способе организации целостности.

Управление движением означает управление коммуникациями, то есть вслед за самой социальностью, которая приобрела коммуникативную онтологию, когда социальное управление тоже становится коммуникативным. Управлять коммуникациями, постоянно и непредсказуемо меняющимися мгновениями социальных состояний, когда «провисает» настоящее и остается только то, что есть «между» – между тем, что только что было и что уже переходит в будущее, – управлять такой реальностью означает управлять движением. Таким образом, в качестве объекта управления можно зафиксировать движение.

В прерогативу объекта управления попадают качественные характеристики общества, объясняющие его культурное состояние, ими становятся такие ценности, как автономия, самобытность, самоопределение, самоуправление, самоорганизация. На современном этапе социальное управление направлено на проектирование возможных изменений объекта, альтернатив и вариантов развития, вероятностных решений, изменений в самих субъектах проектирования, в окружающем их социуме, а не в объекте самом по себе.

В отличие от бюрократически централизованной формы коммуникативно-организованное управление насильно не преодолевает конкретный социальный контекст, ситуацию, условия, в которых оно осуществляется, а учитывает их, на основе чего может ситуативно меняться, корректировать цели. Корректировка коммуникативных отношений предсказуема условно, когда конечный результат не задан однозначно. Поэтому ситуативное целеполагание не является одноразовым целеполаганием, а также увеличивает круг людей, оказывающихся связанными с этой деятельностью. К управлению привлекаются те, кто не имеет отношения к бюрократическому аппарату, но проявляющих инициативу и принимающих на себя ответственность в процессе корректировки целей и принимаемых решений.

Выражая неудовлетворенность классическими теориями управления, которые в современных условиях перестали соответствовать новым социокультурным реальностям, Ж. Бодрийяр, Г. Дебор, Ж.Ф. Лиотар, М. Фуко, Й. Хейзинга и ряд других зарубежных философов предложили игровое видение социальной реальности и игру как способ социальных практик. Для управления данный подход имеет методологическое значение, предлагая применить философски понимаемую игру в качестве принципа управления.

Традиционные представления об игре характерны для закрытых социальных систем, в которых поведение людей жестко управлялось институциональными структурами. В современном обществе как открытом и плюралистичном, имеющем тенденцию к нелинейному развитию, проявляется играизация как «объективно востребованное явление, которое возникает под влиянием нелинейной динамики современных обществ и становления самоорганизованного, автономного социума с внутрисистемной неопределенностью», «развивая способность современного социума к саморефлексии и самотворению» [2, с. 700–701]. Посредством саморефлексии успешные игровые и эвристические практики социально конструируются, а затем включаются в хозяйственно-экономические, политические, культурные структуры.

Согласованные основания социальных норм и оценок в периоды нестабильности ослаблены, трансформированы, и внимание индивидов перемещается от норм и правил к намерениям других людей. Вследствие усиления регулирующей роли ожиданий в поведенческих моделях число возможных равновесий увеличивается. В отсутствие объективных критериев оценки окружающего мира индивид в силу необходимости должен включать в свое суждение о ситуации намерения других, что позволяет в определенной степени упорядочивать ризомные последствия нелинейной социокультурной динамики, приводя к созданию новых алгоритмов поведения как определенного порядка, а также нового уровня организации. По существу, через создание ризоморфных сред играизация упорядочивает разнонаправленные действия социальных акторов, реализуя их потенциал к самоорганизации по алгоритму, определенному И. Пригожиным и И. Стенгерс как «хаос – порядок – хаос» [3, с. 63].

Как можно заметить, неклассический взгляд зафиксировал в социальном управлении многогранность объекта, его плюральную интерпретацию, подвижность и неустойчивость.

Растущая нестабильность социальных процессов обусловила появление новых типов систем управления, и, прежде всего, управленческой системы, связанной с определением позиций (долгосрочное и стратегическое планирование, управление посредством выбора стратегических позиций), направляющих поведение системы в ее окружении; и управленческой системы, связанной со своевременной реакцией (управление по сильным сигналам, по слабым сигналам, в условиях неожиданности), дающей ответ на быстрые и неожиданные изменения в окружении. Очевидно, что в модернизирующейся реальности управленческая деятельность больше соответствует смысловой категории «воздействие», ибо в этом понятии сосредоточены одновременно результат действия, его сила, влияние.

Процессы социального управления ориентированы на информационный обмен между управляющей и управляемой системами, для которого используются каналы прямой и обратной связи, сам же управленческий процесс цикличен и замкнут. Как справедливо отмечает В.Г. Афанасьев, по своему статусу информация представляет собой сведения, сообщения, устраняющие существующую до их получения неопределенность в сложившейся проблемной управленческой ситуации, отображая изменения состояний данной системы, на основании чего можно утверждать, что движение информации определяет движение системы, общую организованность и эффективность ее функционирования, сама же информация выступает как импульс упорядочения системы, подчиненный в управленческом процессе его стадиям, например, подготовке и принятию управленческого решения, его исполнению и контролю [4, с. 115].

Для осуществления радикального поворота требуется качественный скачок – новый фазовый переход, мотивом для которого может быть лишь опережающее видение ограниченности сложившейся системы. Управление будущим, как вектор инновационного социального управления, предполагает формирование стратегического субъекта, способного взять ответственность за то будущее, которое он создает. Понимая свою брошенность в поток времени и принимая ответственность за открытое будущее, управленческая система обретает подлинность своего существования. Такое осознание М. Хай-

деггер назвал «зовом совести». В контексте управленческой проблематики это означает необходимость выхода субъекта социального управления на новый уровень рефлексии и существенное расширение пространства возможных путей развития через проецирование перспективных целей в будущее и принятие решений из будущего.

И.Г. Фихте [5], рассуждая относительно некоего объективно происходящего процесса, отмечал, что он имеет свою внутреннюю энергию и разворачивается определенным образом, то есть можно выделить некие фазы, этапы разворачивания этого процесса, которые происходят как бы объективно. У этого процесса есть свое внутреннее время, своя внутренняя логика, то есть своя поступательность. И далее И.Г. Фихте задает вопрос: следует ли из этого, что если мы ничего не будем делать, то оно будет идти само собой? Означает ли это, что этот процесс объективен? И.Г. Фихте отвечает: нет, это не так, и все сложнее, поскольку процесс движется вперед волей и энергией самоопределяющихся людей. Это значит, что требуется интуитивное или разумное схватывание мира происходящего конкретным актором, действия, продвигающие и соучаствующие в разворачивании этого процесса, отвечающие на вызовы, принимая их как свои, как вызовы для него, а не вообще какие-то вызовы.

Схватывание процесса есть, прежде всего, его видение, или модель, представление о том, как идет процесс, вырабатываемая самими людьми, и репрезентированное в поле интеллектуальной культуры конкретного времени. На это указывал Г.В.Ф. Гегель, отмечавший, что объективная реальность, конечно же, есть, но она дана нам через восприятие ощущения, а, следовательно, субъективно. Происходящий социальный процесс есть, и в этом смысле, как бы независим от воли и мышления людей, но, с другой стороны, любое представление этого процесса есть полагание, осуществляющееся в мышлении и деятельности. В этом смысле – это всегда гипотеза о том, как устроен данный процесс на самом деле, которая претендует на описание того, что есть, являясь одновременно еще и проектом, как определяет данную сущность П.Г. Щедровицкий [6].

П.Г. Щедровицкий характеризует проект как некий образ будущего, указание на то, что мы хотим и что должно быть. У проекта есть интеллектуальный смысл с далеко идущими антропологическими последствиями, поскольку то, что мы вынуждены предполагать в рамках проекта, чего еще нет, более реально, чем-то, что есть. Возникает своеобразное двойное полагание, когда признается существование этого процесса и принимаются его вызовы как требование к своему собственному самоопределению, и в то же время он полагается, как проект, и не может разворачиваться вне и помимо воли, инерции людей, вне самоопределения. Как констатирует П.Г. Щедровицкий, в одном шаге мы полагаем внешнее, полагая процесс, объективность, вызовы, эпоху, а в другом – мы полагая самих себя, но не вообще и в принципе, а таких самих себя, которые либо отвечают, либо могут ответить на эти вызовы, либо соразмерны, либо не соразмерны этому процессу, либо обладают, либо не обладают соответствующими характеристиками для того, чтобы соучаствовать в этом процессе [7].

Если мы поймем, какова структура такого мира, в котором возможно управление, то мы многое поймем и про самоуправление. Ключевой категорией, которая задает устройство мира, является категория порядка и упорядоченности. Гипотеза о существовании порядка и особой упорядоченности есть предпосылка любого управления. Понятие есть единица упаковки смысла, и слово «управление» намекает на существование правил. Исходя из этого, управление невозможно и бессмысленно там, где не существует порядка, то есть действий, организованных по правилам.

Н. Винер, решая ряд задач, которые были связаны с созданием автоматизированной системы наведения зенитного орудия, предложил схему, которая в дальнейшем легла в основу кибернетики и считается одной из первых попыток ответить на вопрос: что такое управление? Эта схема связана с понятием прямой и обратной связи, согласно которой управление представляет отношения следующего порядка: когда есть управляющая система, есть управляемая, а между ними устанавливается соответственно прямая связь, то есть связь действия, и обратная связь, то есть связь отслеживания результата. Но из данной схемы не следует ответ на вопрос: откуда взялась цель? В поиске ответа, откуда в управленческой деятельности появляется цель, необходимо выйти за границы данной схемы. Цели являются предвосхищенным, идеальным представлением образа ожидаемого (продукта, состояния, действия и прочего), который хочет получить деятель, и их реализация предполагает наличие внутреннего плана деятельности.

Параметрами любого типа реальности, в том числе социальной, представленными в известной триадологической схеме, восходящей к Аристотелю, являются «*dynamis – energeia – entelecheia*», в которой «*dynamis*» означает бытие в возможности, потенция; «*energeia*» – деятельность, действие; «*entelecheia*» – осуществленность, актуализированность, действительность. В данной схеме, исходя из контекста модели волевого акта и модели управленческого цикла, отсутствует понятие сущности, или энтелехии, понимаемой как сущность, находящаяся в состоянии осуществленности. Согласно античной традиции, сущность есть сущее, характеризующееся самодовлеющим бытием, бытием самим по себе (*per se*), в самом себе (*in se*), в отличие от бытия случайного, привходящего, акцидентального (от

лат. «accidentia» – «случай»). К категории привходящего бытия и относится социальное управление. И. Пригожин и И. Стенгерс, рассматривая управление, связали его с противодействием естественному порядку, обеспечиваемому посредством механизма контроля [8, с. 276].

Природа управленческой деятельности рефлексивна, в ней присутствуют участники со своим видением, рассматриваемые как средства в достижении неких целей, сформулированных в объемлющей системе – системе управления. В субъекте социального управления наблюдается расщепление позиций: с одной стороны – это субъект принятия решения и источник целеобразования, с другой стороны – воплощение этих целей. При отсутствии второй позиции решения не правдивы, не реалистичны, а при отсутствии первой не будет направления системы. Очевидно, что социальное управление управляет самодвижением, которое может менять траекторию. Это изменение траектории движения как результат воздействия на естественные процессы и задает категориальный статус понятия управления, не его содержания, а схемы, и всегда можно задать вопрос о том, какие искусственные средства и способы действия по отношению к каким естественным процессам применимы и насколько они эффективны.

Управляемость системы зависит от объективных причин – устойчивости и обратимости, последние же детерминированы характером возмущений. Чтобы поддерживать свою целостность, периодически преодолевать тенденцию к стохастическому распаду, сложная система должна существовать в колебательном режиме, позволяющем замедлять процессы и устанавливать общий темп развития внутри сложной структуры. Динамика развития сложных социальных организаций и структур связана с периодическим чередованием режимов ускорения процессов и их замедления, режимов структурализации и преодоления различий, частичного распада структур, с периодическим смещением фокуса влияния от центра к периферии и обратно.

Важным параметром выступает граница управляемости, определяемая возможностью познания как конструирование некоего рационального плана осуществляемых действий. Ф. Хайек по этому поводу пишет, что «если мы хотим улучшения социального порядка, то следует научиться следовать логике сложных образований, а не грубо хозяйничать. Не сгибать свою модель к нужной форме, а, наподобие садовника, культивировать явления, как растения, для улучшения условий роста» [9, с. 45]. Отсюда понятна закономерность, гласящая о том, что социальным системам невозможно навязывать чуждые им цели и направления движения. «Реформаторскую деятельность, – утверждают Е. Князева и С. Курдюмов, – потому следует понимать не как произвольное сочетание и перераспределение элементов инертного социального материала по какому-то измышленному проекту, а как инициирующее возбуждение среды субъектом и последующее самовыстраивание и самодостраивание структуры (в соответствии с внутренним потенциалом среды) в направлении к одному из аттракторов – базисных макросоциальных состояний» [10, с. 44].

Рассмотрев социальное управление в контексте модернизирующейся реальности, можно утверждать, что социальное управление, по-прежнему, реализует свое предназначение в инвариантной природе управленческой системы, стремящейся к устойчивой равновесности и непрерывности, ориентируясь на согласование и упорядочивание взаимодействий. Налаживание и поддержание прямых и обратных связей делает систему управления целостной, эффективно функционирующей и сохраняющей свою структуру и свойства. При этом сама интеграция элементов системы осуществляется благодаря системообразующим действиям управления, производимым управляющим субъектом, который регулирует иерархические взаимосвязи между элементами, притягивающие их друг к другу, и обеспечивает, тем самым, единство и устойчивость системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Латфуллин Г. Основные тенденции и концепции управления на стыке веков // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1.
2. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003.
4. Афанасьев В.Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. М., 1986.
5. Фихте И.Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск; М., 2000.
6. Щедровицкий П.Г. Курс лекций по философии управления в Высшей Школе Экономики в 2000 г. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/49/print> (дата обращения: 15.11.2011).
7. Там же.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч.
9. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибка социализма. М., 1992.
10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 1.